

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
АННЫ БОРИСОВЫЙ

КРЕАТИВЩИК
ТАМ...
VREMENA GODA

Борис
АКУНИН
[BOrIS
AKUNIN
AHNIN]

Издательство АСТ
Москва

k p e a t u v i n k

7:49

Едва проснувшись, он начал ворчать.
Молчать он не умел. Совсем.

Разбудил его сквозняк.

«Холодина какая. Нельзя, что ли, было закрыть?»

Дуло из настежь раскрытоого окна. Там голубело и желтело утреннее небо, и больше ничего не было, потому что этаж высокий, а очень старый человек лежал в постели и смотрел в окно снизу вверх.

«Когда всё это кончится?» — неизвестно у кого спросил он, откашлявшись и достав из стакана зубы. Подвигал челюстями, чтобы протезы встали на место.

Настроение у него, как всегда по утрам, было отвратительное. Особенно, если весна, солнце, прозрачный свет. Но он знал, как и что делать. Выработал ритуал.

«Бюро ритуальных услуг, за работу! — приказал себе старик и начал отсчет перед стартом. — Шесть, пять, четыре, три, два, один».

Тяжело, как грузовой корабль «Союз», поднялся. Одеяло соскользнуло с него, будто опоры, отошедшие при старте. Еще больше сходства с натужным, небезопасным отрывом от земли возникло, когда человек покачнулся.

Но ничего, выправился. Нашарил ногами тапочки.

«Простужусь, помру, будете знать», — мстительно пообещал он кому-то и прошаркал через комнату, чтобы закрыть раму.

Секунду-другую озирал заоконный мир. «Тьфу, бездарность какая».

И то сказать, любоваться было нечем. Ветхие панельные девятиэтажки, асфальтовый двор, кусты. Странно только, что в голосе старика прозвучало разочарование,

будто он рассчитывал увидеть вместо чахлого купчинского микрорайона Неаполитанский залив или, на худой конец, Женевское озеро.

Ворчун задернул шторы и уставился на свое жилище, тоже будто впервые. Тут зрешище было опять-таки безрадостное. Голые стены, кровать с тумбочкой да пластиной шкаф, более ничего.

«М-да...»

Мрачный взгляд опустился на метровый лист фанеры, зачем-то валявшийся у окна. Древнее лицо дернулось, словно от боли или мучительного воспоминания.

«Мыться-бриться, а то повешусь». С этими словами старик заковылял в ванную, еле переставляя дряблые ноги. Спал он в рубашке, но не ночной, а нательной. Когда-то в таких ходили все мужчины, но те люди поумирали, те фабрики позакрывались или перешли на другую продукцию. Рубашка, однако, была свежая, идеально белая. Пожалуй, излишне белая. На ее фоне морщинистая шея напоминала фактурой и цветом потрескавшуюся землю.

к
р
е
а
т
и
в
ш
и
к

Бреясь, старик смотрел только на бритву и помазок. Если встречался с собой в зеркале глазами, тоскливо вздыхал и отводил взгляд. Он себе ужасно не нравился.

«Терпение, — приговаривал он, — терпение. Всему свое время». Расчесал густые, совсем седые волосы, надушился одеколоном из резиновой груши.

«Так-то лучше».

Одевание представляло собой важный и неторопливый церемониал. «Какой наряд выберешь, так и день сложится», любил повторять этот человек.

Долго стоял перед открытым шкафом, где теснились вешалки с одеждой. После колебаний взял светлый льняной костюм, мешковатый, но элегантный. Поверх своей белоснежной нательной рубашки надел свободную водолазку. Взял тупоносые туфли очень маленького размера. Он вообще был невысок, тщедушен. Наверное, в молодости отличался легкостью и пластичностью движений. Былое изящество пропало в жесте, которым щеголь по-

правил свои белые, чуть растрепавшиеся волосы.

Последним штрихом стала чудесная трость с серебряным набалдашником в виде раздвоенного копытца. Она окончательно превратила старую развалину в пожилого джентльмена, даже денди.

Вот теперь старичок позволил себе посмотреться в зеркало и, кажется, остался более или менее доволен.

Он медленно прошелся по комнате, по коридору, опираясь на палку. Непонятно, зачем ему понадобился этот обход. Глядеть в однокомнатной квартирке было не на что. Кухня, например, вообще пустовала. Помещеньице-то в семь квадратов — ни стола, ни плиты, ни холодильника. Словно здесь никогда не готовили, не ели, не пили чай.

«Приветствуя тебя, пустынный уголок. И катись к черту. Больше не увидимся».

Попрощавшись с квартирой таким оригинальным образом, стариk вышел на лестницу и вызвал лифт.

Бледно-розовый язык облизнул сухие губы. Костлявая кисть с коричневыми пиг-

к р е а т и в и к

ментационными пятнами нервно барабанила по набалдашнику. Старый франт явно волновался.

Зашипели двери, но он не вошел в кабину, замешкался. Поднял левую ногу, опустил. Поднял правую. Опять передумал. «Кто там шагает правой. Левой, левой!» Это опять был суеверный ритуал, как с одеждой.

Пока чудак колебался, с какой ноги войти, двери захлопнулись, лифт уехал.

«Плохая примета. — Стариk ударил палкой об пол. — Или хорошая?»

Двери снова открылись минут через пять. Он быстро переступил порог, с левой ноги. Нажал кнопку с единичкой.

«Плохая или хорошая? Плохая или хорошая?» — всё повторял он и, наверное, твердил бы эту фразу до самого низа, но, спустившись всего на два этажа, кабина остановилась. Двери разъехались.

На площадке стояла девочка-подросток с портфелем.

«Хорошая», беззвучно прошептал старичок и причмокнул.

к р е а т и в ы к

8:21

«Дедушка, вы до конца едете? Если до первого, я войду. Если нет, то езжайте себе».

Лицо у девочки было не то напряженное, не то испуганное.

«Какая разница, до первого — не до первого?»

Он впился в нее глазами, будто пытался угадать причину нервозности. Палец держал на кнопке, чтобы не сдвинулись двери.

Девочка была невоспитанная. Не знала, что старшему отвечать вопросом на вопрос невежливо.

«Трудно сказать, что ли?» — недовольно протянула она, не трогаясь с места.

Старик догадался сам.

«Ты боишься ездить в лифте одна. У тебя клаустрофобия».

«Чего у меня? — Она смущалась. — Я не ездить, я застрять боюсь. Если с кем-то, еще ничего. А одна в лифт ни за что не сяду. Наверх-то нормально. Если подождать, всегда кто-нибудь придет. Сажусь и еду. Если раньше выйду, я тоже выхожу, и дальше пешком. Вниз редко получается. Обычно по лестнице спускаюсь. Ладно, поехали. Если вы не до первого, я с вами выйду».

Она осторожно, словно ступая на лед, вошла в кабину и передернулась, когда пол качнулся под ногами.

«Я еду до самого низа. Так что бояться тебе нечего».

Старичок хихикнул.

Улыбнулась и девочка.

«Тогда поехали. А то я на урок опаздываю».

Он убрал с кнопки палец. Двери гулко захлопнулись. От этого звука девочка скорчила гримасу и побледнела.

«Ты уже когда-нибудь застревала?»

«Вы чего? Я бы с ума сошла! Мне иногда снится, что я в лифте зависла. Одна или, еще хуже, с каким-нибудь уродом — это вообще караул. И обязательно свет гаснет. Я ору во сне — тыща децибел. Мама прибегает, а я сижу вся такая, слюни текут, слезы капают. Очуметь!»

Девочка коротко рассмеялась, стряхнув со лба русую челку.

Старичок прищурился, замигал, блеклые глазки сверкнули. Он прислонился к стенке, и в тот же миг кабина вдруг остановилась.

Свет мигнул, погас.

Бедная девочка перепугалась так, что даже не закричала. Громко втянула воздух и, парализованная ужасом, не смогла выдохнуть.

«Надо же, сглазила, — раздался в темноте спокойный голос. — Видишь, ничего особенно страшного. Мы не падаем, мы

к
р
е
а
т
и
в
ш
и
к

просто застряли. Я с тобой. Бояться нечего. Сейчас снова поедем».

«Ха-а-а... Ха-а-а», — судорожно сипела девочка, не в силах произнести ни слова.

«Ну-ну, спокойней. Ты где? Дай руку, не бойся».

Она вцепилась в него, старик крякнул.

«Полегче, ты мне пальцы сломаешь. Знаешь ли ты, что страх — самый мощный из биopsихических стимуляторов? Под его воздействием мышечная функция может усиливаться в восемь раз».

«Дедушка! — пискнула девочка. — Выпустите меня отсюда! Пожалуйста, миленький!»

«Ну как я тебя выпущу? Я же не лифтер. Но ты успокойся. Сейчас мы вызовем диспетчера. У тебя есть мобильный?»

«Есть...»

«Доставай».

«Точно! Я маме позвоню! — Стуча зубами, девочка достала телефон и вскрикнула. — Не работает! Ни одной пипочки!»

«Конечно, не работает. Мы в стальном ящичке. Сигнал не проходит. Но это ниче-

го. Ты просто посвети, я найду, где тут
кнопка вызова...»

Голубоватый свет закачался — рука де-
вочки ходила ходуном.

«Ага, вот... Диспетчер!»

Ответили сразу.

«Слушаю».

«Это дом 24, корпус 1, второй под...»

«Тetenька! — заорала девочка, прижав-
шись губами к самому щитку. — Мы за-
стряли! Миленькая! Дорогая! Скорей, по-
жалуйста!»

«От микрофона подальше. Не слышу
ничего».

«Погоди... — Старик мягко отодвинул де-
вочку. — Это вторая парадная. Тут школьни-
ца нервничает. На уроки опаздывает. Мож-
но как-нибудь побыстрее нас вызволить?»

«Питание в шахте вырубилось. Не толь-
ко во втором подъезде, во всех. Сейчас ава-
рийную вызову. Ждите».

«Сколько ждать?! Я тут сдохну у вас!
Хоть свет включите!»

Но сколько девочка ни кричала, ответа
не было. Наверное, диспетчерша объясня-

к р е а т и в ы ү к